

КАЗАЦКАЯ БЫЛЬ

И. ГЛЕМБА

А. ПРОХОРЕНКО



КАК
КАЗАК
ПИТЬ БРОСИЛ

Казацкая быль

Андрей Прохоренко

Как казак пить бросил

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Прохоренко А.

Как казак пить бросил / А. Прохоренко — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Казацкая быль)

ISBN 978-0-88-715056-2

Украина после поражения казаков под Берестечком. Чудом выживший атаман казацкой сотни, прикрывавшей отход казаков, считает несправедливым, что побратимы погибли в сражении, а он, казак Вернига, остался жить. Оправившись от тяжелого ранения, Вернига ищет успокоения на дне кружки, попадая все больше под управление темной силы. Близится его «последняя чарка», после которой он станет полностью зависимым существом. Только желание Верниги помочь погибшим побратимам, их семьям, а также открывшаяся способность видеть существ тонкого плана и спрятанные клады, пройдя невероятные испытания, позволяет казаку сохранить свою жизнь.

ISBN 978-0-88-715056-2

© Прохоренко А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Предисловие	5
Голоса из прошлого	7
На посылках	17
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Иван Глемба, Андрей Прохоренко

Как казак пить бросил

Предисловие

Есть много казацких историй, которые, когда внимание обращается на них, так и просятся к изложению на бумагу. Казацкое прошлое Украины-Руси, что ни говори, кладезь многочисленных событий, в которых лучшие представители казачества проявили сполна всю ширь своей натуры, всю полноту хары (силы) и воли, качеств и свойств, присущих казакам. Одной из таких историй и есть повесть казацкого батьки Василя Галайды о славном казаке Омеляне Верниге, которую он написал вместе с Вернигой, оставив письмена для потомков в информационном поле Земли.

Казаки-характерники, а и Василь, и Омелян относились именно к этой группе казаков, которые еще владели кое-какими знаниями и умениями, продолжая традиции, идущие еще от ариев, позаботились о том, чтобы их не такие и далекие потомки хотя бы отчасти прикоснулись к эпохе казацких войн под руководством Богдана Хмельницкого. При этом всем то суровое время – лишь фон, на котором во всей своей красе и силе раскрываются казацкие характеры, а линии жизни казаков, причудливо переплетаясь между собой, с врагами и друзьями, рожают невообразимый по красоте узор, называемый жизнью. Жизнь на острие сабли – отличительная черта упрямого казацкого характера.

После поражения под Берестечком казацкий спецназ, лучшие казацкие воины, прикрывавшие отход основных сил, полегли в бою. Выжили единицы. Один из них, Омелян Вернига, чудом восстановившись после ранения, получил новую жизнь. И жизнь эта, когда твои побратимы спят в сырой земле, не радовала казака. И как тут не заглядывать в чарку, когда ушли лучшие, а сил воевать не осталось? Без помощи со стороны, чтобы окончательно не сломиться и не опуститься казаку не обойтись, и она неожиданно к нему приходит.

Омелян Вернига после ранения в тридцать пять лет отроду только лишь начинает путь к самому себе – сильному, решительному, умелому и действующему по обстоятельствам казаку, за которым, как за лидером, идут многие товарищи. Способности, которые у него открываются, позволяют Омеляну несколько по-новому посмотреть на себя, на возможность помочь семьям погибших казаков, в целом на происходящее в Украине. Мир, который виделся Верниге в черно-белом свете, после испытаний и жизненных коллизий наполняется сотнями полутонов и оттенков.

Крутится колесо жизни, вьется в пространстве и времени нить казацкой судьбы, сменяются времена года, крепнет хара, острее становится взор, тверже рука казака, чтобы явить самого себя в действиях на огромных территориях от Сечи и Конотопа до Карпат. И с каждым годом падает в копилку казацкого опыта слеза в виде граненого изумруда.

Казацкая жизнь – как узор на ладони, испещрена событиями и испытаниями. Она только лишь являет себя в новых вызовах, которые, как темные тучи, застилают небосвод, окружая казака и его путь мороком. Всплеск силы, ума, разума и сознания, сопровождаемые волей, и тьма рассеивается, а солнце вновь являет себя на небосводе.

Пришло время авторам привести историю Омеляна Верниги и частично самого Василя Галайды, друга и в какой-то мере учителя Омеляна, помогшего ему не уйти преждевременно из жизни.

Что есть жизнь? Только лишь промежуток между рождением и смертью. Сознание каждого из нас сковано рамками жизни, но лишь до определенного момента, пока кто-то из казацких батек или ты сам не

откроешь врата в другой мир. Его реалии порой гораздо значимее, чем видимый мир, в котором ты проживаешь.

Есть путь, по которому из жизни в жизнь идет личность. Я, казак Омелян Вернига, смог им пройти так, как видел и понимал. Я видел многое, прозрел так, что мне стали известны прошлые воплощения моего духа на Земле в самых разных странах. Я говорил с ними.

Моя проблема в том, что мне не с кем, кроме единиц, поделиться откровениями, которым я был свидетелем. Только казацкие батьки, одним из которых есть Василь Галайда, еще слышат и понимают меня. Ему я рассказал историю своей жизни. Надеюсь, он перескажет ее потомкам, а я ему в этом помогу...

Омелян Вернига, казак-характерник

Голоса из прошлого

Случилась эта, даже по казачьим меркам удивительная история, совсем недавно, уже после того, как прошел победный марш казачества с Сечи на Львов, после казачьих побед под Желтыми Водами, под Корсунем и Пилявцами. Поражение под Берестечком положило начало спада в казачьей войне. Все время воевать можно, но тогда, когда у тебя есть силы и надежный тыл. Когда же победы сменяются поражением и неустроенностью, сдают, казалось, самые крепкие и мужественные люди. У каждого это случается по-разному. Одни начинают выходить из себя, срывать и совершать необдуманные поступки, другие ищут успокоение на дне кружки. Льется горилка, пьют казаки, утирая губы длинным усом, вспоминая погибших побратимов. Правильно говорят, что казаков губит не война, а то, что приходит после нее.

Не в силах справиться с разочарованием и опустошением казак Вернига, которого еще Вернигорой кликали, искал успокоение в горилке. Само собой, что на доньшке его быть не могло. Только еще больше раны давали о себе знать, когда хмель выходил, и казак трезво смотрел на мир. Омелян, так звали казака, потерял в бою товарищей. Так вышло, что, когда Богдан попал в плен, а войско под Берестечком вынужденно было обороняться, Вернига, будучи сечевиком, прикрывал отход по гати основных казачьих сил. Сказать, что тогда было пекло, значит, ничего не сказать. Шансов у Омеляна выжить не было, но его раненого вытащили из боя казаки. Побратимы полегли в бою – Вернига выжил. Случившееся с ним, как он считал, было несправедливым.

Тогда, прикрывая отход, полегло почти четыре сотни лучших казачьих воинов, погиб, но дал отойти основным войскам, казачий спецназ, рыцари без страха и упрека. Что сказать, когда гибнут лучшие? Те, кто выживают, считают, что лучше бы они остались с побратимами. Не исключением был и Омелян. Семьи у него не было. Отроду казаку было тридцать пять лет. Расцвет силы и молодости только еще начинался.

Что тогда было в Украине, можно назвать только одной лишь фразой – кровавая страда. Казачья война, достигнув апогея, пошла на спад. Минули победы, вместо них постепенно начали приходить усталость и разочарование. Зверела шляхта, опустошались местечка, кровь и бессмысленная жестокость все больше входили в моду и становились нормой поведения.

И куда идти казаку, когда дома нет, а сражаться так, чтобы не пасть в первом бою, нет сил? Прежде всего, необходимо осмыслить, что же произошло и продолжает происходить с тобой. Омелян немного оправился от ран, но события сечи, в которой он выжил, постоянно были с ним, не отпускали. И днем, и ночью видел он время от времени окровавленные лица людей, слышал крики и скрежет оружия, выстрелы и разрывы. Что с этим делать, он не знал. Как-то сам незаметно для себя начал заглядывать в кружку. Шинки, благо, везде были. Наливали – не стеснялись, только плати. Когда выпивал Вернига, ему поначалу казалось, что легче становится. Веселость появлялась, прочь заботы уходили.

После веселья еще большая тяжесть наваливалась на казака, да так, что и жить не хотелось. Был Вернига не простым казаком, а почти что характерником. Много знал и умел, гопак лучше, чем кто-либо другой танцевал. Учил его батька Семен Куличук, которого на Сечи и возле нее кликали еще Пиддубным. Кличка эта привязалась к батьке потому, что дубы любил и с некоторого времени жил на Хортице в хижине, наблюдая за дубами. Там под дубами его найти можно было, а в балках рядом он казаков самым разным премудростям учил. Считал Семен, что в дубах вся сила, что только здесь, в тиши под их сенью, можно прийти к пониманию жизни и своего места в ней. Вернига был одним из лучших учеников батьки, которому он показал больше, чем остальным.

Может, и не случилось бы ничего с Вернигой, если бы батька был жив, но пока Вернига непрестанно воевал, ушел из жизни Семен Куличук. Вместо него на Хортице также наблюдать

за дубами остался помощник – Серез Балуйда. Вскоре и он так «прирос» к здешним местам, что звать его стали не иначе – как Дубко. К нему-то и пришел Вернига, вернувшись на Сечь. Встретились, хлопцев помянули. Для такого дела горилка всегда найдется. Только смотрит Серез, а Вернига кружку за кружкой наворачивает, не останавливаясь. Серез тогда попытался остановить Вернигу, но не остановился казак. Не послушал Вернига Сереза, еще и нагрубил ему, сказал, что пока он тут отсиживается, хлопцы погибают. Серезу тогда было всего-то пятьдесят восемь лет. Для характерника, у которого хара (сила) есть – только лишь время расцвета и возможность беспристрастно посмотреть на мир, увидев в нем себя и свое назначение.

Мог Серез Дубко сделать так, что у Верниги бы после одной кружки горилки она бы больше внутрь не полезла, но поостерегся. К тому же не понравились ему упреки казака. Серез предложил Верниге помочь, но тот наотрез отказался. Тогда Серез сказал, чтобы, как только ему совсем плохо станет, он к нему шел. Иного пути для Верниги Серез тогда не видел, да его и не было.

«Шатать» казака стало, начал на людей, когда неистовство находило, чуть ли не с саблей бросаться. А хару Вернига имел немалую. Когда буйство находило, творил, сам не знал как, вещи, которым даже характерники дивились. Да только недолго так было. И года не прошло, как хара вся вышла у Верниги. Недавно многое умел, а тут – как рукой сняло, как корова языком слизала. Что раньше получалось – теперь не выходило, как ни старайся.

Кто же с тобой хочет иметь дело, когда ты сам себя не понимаешь, когда позволяешь находить приступам и состояниям, которые поглощают тебя и твое сознание? Никто. Был Вернига даже сотником, да куренной атаман прямо ему сказал: «Твои прежние заслуги уважаю, но на Сечи, когда война – не пьют. Сам знаешь, что за нарушение порядков бывает». В общем, вынужден был Вернига до того времени, пока за голову не возьмется, быть вне войска. Тоска его взяла. Подался он из Сечи куда глаза глядят. Мужчина был видный, все умел делать, да только пил... Мог заработать, да все спускал в шинках. Его уже знали все шинкари в местечках. Наливали в долг. Пил Вернига, чем дальше дело шло, тем все нещаднее. Пил и не пьянел, только злее становился. Тогда с ним никто связываться не хотел.

Казак казаком, а буйства селяне не терпели. Несколько раз, вдесятером напав на сечевика, побили его, да так, что Вернига на второй раз еле сам поднялся. Оно через побои, может, и лучше доходит, но зачем казака калечить? Вернига в какой-то момент хотел уйти из жизни, вытворив что-то такое из ряда вон выходящее, но сдержался.

Что еще стало происходить с казаком, так это после похмелья стал он видеть то, что для других скрыто было. Видел Вернига и тонкие оболочки, и дух, и души, и прошлое, сущностей разных, чертей, нечистую силу, даже смерть с косой. Дважды она к нему приходила, а казак, смеясь, предлагал ей себя взять, да только смерть, повертев головой, махала косой в другом месте и уходила без него. Вот тут-то и закралось у Верниги подозрение, что кто-то или что-то нарочно делает так, чтобы он жил. Значит, сделал вывод Вернига, кто-то о нем заботится, но зачем кому-то это делать, казак не знал.

С некоторого времени стал казак замечать, что, когда он идет или работает, за ним в двух десятках шагах сгущается сумрак. Этот сумрак приобретал все более четкий силуэт мужчины. От незнакомца во все стороны исходили темные клубки энергий. Казак, когда присмотрелся, то с удивлением увидел в них чертушек. Рогатые как бы наблюдали за ним, а самые «отважные» в виде вихрей энергий и вовсе близко подбирались, скалились, рожицы строили. Да только не боялся казак чертей. Пообещал им, как только доберется до них, бока намять. Да не тут-то было.

Несколько раз вначале палкой, а потом оглоблей, а потом и саблей казак пытался надоедливых соседей, неизвестно откуда взявшихся, разогнать, но у него ничего не выходило. Простить им оскала и насмешек Вернига не мог и не хотел. Кулаком грозил, а выходило, что мешчанам и казацкому люду угрожал. Они-то ведь не видели тонкого плана и этих сущностей, и

существ тоже. Окружающим казалось, что это им Вернига грозит. Что касается его действий, то, когда ты оглоблей по сторонам машешь, угрожая забить до смерти, тут даже смельчак испугается, а вид у казака был такой, что ему поневоле поверишь...

Кто знает, чем бы дело закончилось, если бы не однажды, когда казак протрезвел, и долгое время не пил, пытаясь разобраться с собой, уселся он отдыхать в тенечке под деревьями. Конец лета тогда был. Послеполуденная жара уже спала. Наступал вечер. Самое время куда-то к речке сходить, а Днепр-Славута тек недалеко, да лень не то, чтобы идти, даже подняться. Разморило казака от жары и от состояния, когда явь путается со сном. То дремлешь, приложившись щекой к суме, то поднимаешься и осматриваешься, а еще воды хлебнешь, что в баклажке. Тут и не разберешь, где стон, а где звон.

Было тогда для Верниги то хорошо, что сущности рогатые и чертяки разные куда-то подевались. Не видел их с некоторого времени Вернига. Даже их хозяин, черт рогатый, как его прозвал Вернига, и тот куда-то делся. Казаку совсем стало хорошо. Вначале сидел, а потом лежал, да на солнце в теньке шурился. Спешить куда-либо ему не надо было. А тут голос, вначале тихий, как будто издалика, а потом все отчетливее зазвучал, призывая откликнуться.

Вернига – казак смелый и отважный был. Смерти в глаза не раз и не два смотрел, да так, что устал. С восемнадцати лет казаком был, в походах участвовал, даже у батьки не доучился. Все в промежутках между войнами науку наверстывал. Оно и так можно, да только не выходит, как ни старайся, все от начала и до конца освоить. Надобно, никуда не торопясь и обстоятельно, дело делать. А для такой жизни, как считал Вернига, он был не предназначен. Гулять, чего скрывать, любил казак, да знал меру. Вот только после смерти побратимов сорвался, сам не свой стал. Все не мог себе и всем простить, что ушли лучшие. Обидно ему было, что те, которые и вашим, и нашим прислуживают, живут и здравствуют. И неплохо живут себе, а достойные казарлюги, так и не пожив на свете, ушли из жизни.

Казак бы и сам за ними пошел, да с некоторого времени стал видеть, что оболочки и энергии погибших все еще ходят по белу свету, только не видят их люди. Один только Вернига их и замечает. А нет ничего хуже, как считал казак, чем находиться между жизнью и смертью, когда физическое тело гниет в земле сырой, а сознание, ум, разум, тонкие оболочки здравствуют. Ходят по земле, распадаются постепенно, а их энергии служат пищей для разных рогатых сущностей, которые с охотой их переваривают. Вот, что в последнее время на самом деле донимало казака больше, чем что-либо другое.

В голове у казака созревало решение, но ему нужен был совет, и он самым неожиданным образом прозвучал, да так, что сам казак не ожидал. Повидал Вернига в жизни многое, но, оказывается, далеко не все. Он-то думал, что кто-то из людей его кличет, а нет. Встал казак, осмотрелся, даже из лесочка, где сидел, вышел, чтобы посмотреть, нет ли кого – так тишина. Ни души.

Обратно Вернига вернулся, улегся на разложенный кунтуш и снова решил подремать, да не тут-то было. Голос-призыв явно обращен был к нему. И как тут поспишь? Отвечать надобно. Вернига вообще-то казак миролюбивый раньше был, но на такое отношение к себе отреагировал с недовольством, мол, не мешайте отдыхать. И чего тебе, неизвестное лицо, вообще надобно. Я вон вышел, огляделся, никого. А ты все надоедаешь, никак умолкнуть не можешь. И я же давно не пью, а все голоса чудятся. Вот такой вот разговор сам с собой у Верниги вышел, да то, как оказалось, только начало было.

Голос, исходящий от неизвестного лица, в расчет и внимание его доводы не брал, даже больше, Вернига почувствовал, что неизвестное лицо, которому он принадлежит, пытается вразумить и направить его в нужном направлении. Такого «предвзятого» отношения со стороны неизвестного доброжелателя Вернига больше терпеть не мог и напрямую отсек, как он считал, нарушителя спокойствия, обратившись прямо к нему:

– Слышишь, друг. Умолкни. Без тебя тошно. Жарко. Не выводите меня. И вообще убийтесь. Надоел.

В ответ пришло:

– Убраться бы рад, да только, как товарищам поможешь? Нуждаются они в тебе. Ты же видишь, ходят по полю, в балках скрываются, а до них никому никого дела нет...

Сразу после этих слов на душе у Верниги потеплело к неизвестному собеседнику. Да и как тут доброте не проявиться, когда нашел единомышленника?

– Ты, стало быть, убиенных казаков видишь?

– Как и ты, отчетливо, – был ответ.

Вот тут Вернига и вовсе заинтересовался. Лежал, развалившись, а после обмена любезностями поднялся на локте, а потом и присел, чувствуя, что разговор будет серьезным. Для начала требовалась по разумению Верниги разобраться, кто же с ним беседует. Поэтому казак спросил шепотом:

– Ты кто?

И сразу же получил мысленный ответ:

«Тот, кто тебе может помочь, и заинтересован в том, чтобы ты дело сделал».

– Какое еще дело? – подозрительно спросил Вернига, глаза закрыл, чтобы лучше услышать мысленный ответ.

Невидимый собеседник не стал задерживаться.

«Мирша я, – прозвучало в голове казака. – Волхв Мирша, Сверзенем меня еще кличут. Будущее я еще иногда вижу. Вот тебя и заметил...».

«А надобно тебе что?»

«Мне? – слегка удивился Мирша. – Нет, это тебе надобно. Я свое уже пожил, хотя не отказался бы еще, зная то, что в молодости не знал».

«Так я с тобой первым не заговаривал. Чего привязался?»

«Но вопрос-то у тебя есть. Кто тебе на него ответит, если Серезу ты нагрубил?»

«Ты и это знаешь?» – слегка удивился Вернига.

«А какая мне разница за тобой смотреть или за кем-то еще? Хуже, что ты буяном становишься. Не дело это».

«Только жить меня учить не надо. Сам знаю, что делать».

«Казакам хочешь помочь?»

«Что, посоветуешь пойти в церковь и помолиться?» – съязвил Вернига.

«Нет, думать головой. Сам, обладая способностями, можешь им помочь. Только пропилил ты все. Нет у тебя ничего, ни хары, ни славы. Сабля одна осталась, да пистолит».

«Так это же основное. Без оружия казак – не казак...».

«Без тямы и без смекалки казак – не казак. Ты же в паутину попал. Сам не выпутаешься, но попробовать можно...».

«А кто паук?»

«Ты жертва. И это все, что пока тебе надо знать. Как жертва ты себя ведешь и себя же теряешь. То, что побратимы твои погибли, такая участь им определена была. Ты жить остался, значит, за всех погибших и жить должен, да так, чтобы твоя жизнь послужила примером другим. Тогда казакам поможешь».

«Нудно мне от моралей и твоих проповедей. Не мних, а речешь, как будто мед по губам стекает. Ты прямо скажи: что от меня хочешь?»

«Чтобы ты собой занялся и себя за казацкий чуб вытащил из месива, в которое попал. Есть для чего жить, о себе заботиться. Побратимам ты не помог, не женился, сына не воспитал, казацкой науке молодежь не научил. Себя дал не единожды побить и лицом в грязь опустить. Негоже, казаче, негоже так жить!»

«Ты там знаешь, что мне делать и как жить», – возмутился для вида казак, но слова волхва побудили его задуматься.

«Глянь, на кого ты стал похож, – продолжал Сверзень. – Посмотри, что от тебя осталось. Еще немного и будешь тенью, от которой ничего не зависит. Ты этого хочешь?»

«Так нечистый отступил. То возле меня ошивался, то куда-то пропал. Нет нигде».

«Он вскоре объявится. Ты для него жертва, овца, которой он вскоре пообедает. А раз так, то вряд ли мы еще с тобой поговорим».

«Тебе какая выгода мне помогать?»

«Прямая. Я – прошлое воплощение духа, который ты сейчас представляешь. Неужели батька, твой учитель, ничего тебе не рассказывал о прошлых жизнях?»

«Почему не рассказывал? Знаю я, что и к чему. Не все, конечно, но мне и этого достаточно».

«А раз так, то слушай, – донесли до казака мысли Мирши. – Ты сейчас, после того, как со мной поговоришь, к Серезу на Хортицу вернешься, объяснишь ему все и скажешь, чтобы он тебя научил тому, что поможет тебе избавиться от зависимости и от нечистого. Только помни: как бы тебя не уговаривали сыграть, или что-то еще сделать такое, к примеру, на спор дно кружки увидеть, не соглашайся».

«А кто мужчина, который за мной, как тень, следует?» – поинтересовался казак.

«Кто-кто, тот, кто тебя постоянно преследует, где бы ты ни жил и что бы ни делал. Мне он тоже жить не давал».

«Так он тень или реальное лицо? Физическое тело, как кунтуш, носит?»

«Есть и тело, а есть, как видишь, и темные энергии. И они все больше сгущаются. На него очень многие работают. Это Аламирст, черный маг, питающийся энергией других людей. Сотни людей, сами того не подозревая, отдают ему энергию».

«И что, управы на него нет никакой?»

«Средство может найтись. Нужно только думать. А ты к этому непривычен. Все саблей привык махать да из пистоля стрелять. Как с ним хочешь сладить, когда ему должен? Если бы долга у тебя не было, он бы за тобой не шел бы...».

«Надо в церковь пойти, батюшка его испугает, молитву прочитав».

«Сам-то веришь в то, что говоришь? Ты же почти характерник. Разве что не доучился. Так это дело поправимое...».

«Не подействует?»

«А ты думаешь, что у него с батюшкой нет договоренностей? Ошибаешься. Ничего ему он не сделает, только поможет еще сильнее стать. Между ними же обязанности распределены, каждый своим делом занимается. Это они так, для виду ругаются. Все схвачено, казаче, и давно...».

«Так что же делать?» – заволновался Вернига.

Он только сейчас начал понимать, насколько все серьезно.

«Ты, главное, не паникуй. Держись уверенно, что бы ни происходило, – посоветовал Мирша. – Лучше с Аламирстом или с кем-то из его свиты не говори. Пользуйся тем, что не здешний он. Обычаев и нравов не знает. Казацкая смекалка, брат, должна сработать».

Вернига слегка поежился.

«Откуда вообще этот Аламирст взялся?»

«Воплощений рогатых существ из разных родов на Земле все больше становится. Времена такие наступают. На Сечи еще, правда, это поветрие не так распространено. Но, видишь, и сюда добрались рогатые...».

– Слушай! – громко чуть ли не прокричал Вернига. – Можешь сделать так, чтобы я ничего этого не видел. Ты же мне друг?

«Поэтому так и не поступлю, – пришел ему сразу же мысленный ответ. – Слаб я. В нашем времени тоже дела творятся такие, что и говорить не хочется. Если мне поможешь, то потом я, так и быть, тобой займусь. А сейчас только лишь советом могу посодействовать. Да, и еще. Меня не зови. Сам объявлюсь, когда нужно будет. Многое будешь видеть. Не трусь. Сознание твое расширится. Увидишь мир таким, каким он есть, если выживешь. Это – самое большое испытание. Сабля, пистолы и конь – ничто в сравнении с тем, что ты обретишь».

После этих мыслей Вернига, как ни вслушивался, ничего больше не услышал. Пространство перед его внутренним взором сузилось, стало тянуть на сон. Вернига решил отдохнуть, что и сделал. Проснулся он ближе к полуночи от холода. Дрожь пробегала по телу, хотя ночь в это время была очень теплая. Казак завернулся в кунтуш и собрался продолжить сон, да не тут-то было.

Сквозь дремоту он услышал призывный звук. Исходил он от фигуры, маячившей где-то вдалеке. Это сложно словами описать, когда ты, то дремлешь, то просыпаешься. Тогда сон и явь перемешиваются. Можно и картинки самые разные видеть, и голоса слышать. А видел Вернига и слышал очень даже отчетливо. С восприятием у него все в порядке было. Откуда способность эта на него свалилась, Вернига не знал, догадывался только. Впрочем, батька, который его учил, как-то вскользь заметил, что придет время и Вернига многое увидит и услышит, да казак что, шапку чуть вперед сдвинул, почесал затылок и подумал: «Это еще когда будет».

Да видно время то пришло. А все – пить меньше надо и правду на дне кружки искать. А то с некоторого времени, как горилку допивал, стал Вернига видеть то чертика, который от него убегал, а один раз даже дракончика усмотрел. Дракончик этот на него пасть разинул, а Вернига – казак не промах – как даст по кружке кулаком, так глиняная посуда и вдребезги. Все вокруг на него смотрят, чуть ли не глаза проглядывают, а Вернига и говорит, мол, дракончика пришиб. Народ в смех, а казаку не до смеху. Смотрит он, а за одним из сельчан в корчме уже большой дракон вылетает. Тут Вернига понял, что без сабли не обойтись. Саблю выхватил да на сельчанина. Едва казака уgomонили.

Вообще Вернига казак не буйный был. Все справедливости добивался, но так почему-то получалось, что чем больше он этой справедливости искал, тем судьба к нему все меньше милостивой становилась. Последней каплей, превысившей терпение Верниги, стала гибель побратимов. Это выбило и основательно казака из колеи. Понял он, что справедливости нет, и не предвидится ее. А когда внутри ты разочаровываешься, то, как любил говаривать батька: «Не казак ты, а все больше слабеешь и хару теряешь. Надо знать, зачем жить и воевать. Все беды от незнания и не понимания, что делать и зачем это делать».

Батька умный был, далеко вперед глядел, кладезем мудрости был. Все присказками, да поговорками молвил. На вопрос Верниги: откуда он все знает, отвечал: «Так меня, сынок, жизнь учила, да так, что я едва выжил. Жизнь – вот лучший учитель. Ты думаешь, я не такой ершистый, как ты был? Ошибаешься. Егозил и гулял напропалую, да все потом так и бросил. И у тебя к этому время придет. Вот тогда мои слова и вспомнишь. Вот только не давай себе сильно упасть. Подниматься потом долго придется».

Эти слова батьки Вернига вспомнил именно в тот момент, когда к нему кто-то обращался. И этот кто-то, как не хотелось признаться в этом себе Верниге, был Аламирст или Алам, как его стал называть Вернига.

Тут бы Верниге совет Мирши вспомнить и не беседовать с Аламом, да не послушал ни себя, ни Миршу Вернига. Интересно ему стало, чего же от него хочет этот мужчина. Страх Вернига к тому моменту совсем потерял. Поэтому сквозь дрему спросил: «Тебе чего от меня надо. Да и кто ты?». И сразу же получил ответ: «Я твое прошлое, преследующее тебя. Ты меня не знаешь, а я о тебе забочусь от рождения».

– Ты бы отстал, – вырвалось у Верниги.

– Только после того, как сделаешь то, что нам обоим нужно.

Такой ответ Вернигу заинтересовал. Он сквозь сон и спрашивает:

– И чего же нам надо?

«Ты моим посыльным будешь, – сразу же получил Вернига ответ. – Меня видишь ты хорошо, как и я тебя. Здесь за многими долги есть. Надобно их взыскать. Как видишь, ничего такого. Душу твою отдать себе я не предлагаю. Она мне не нужна. Завшивела твоя душа, да грязью покрылась. Воплощался много твой дух, только то и делал, что по жизням в переделки попадал. А там, сам знаешь, не щадили».

«А что же ты такой хороший тут появился, если я таким стал и так опустился? Я что за это иметь буду?»

«Ты же запил. Горилку хочешь иметь, когда не вмоготу и бесплатно?»

«Ты, что ль, ее разливать будешь?»

«Я тебе укажу на того, кто это будет делать, но в долг».

«А мне долгов не надо. Я в них и так, как в шелках».

«Значит так, – заявил Алам. – Мне тело физическое нужно. Сам я, как видишь, в виде облака энергий нахожусь. Не сподручно мне. Ты будешь выбивать из должников, на которых я укажу, дань, что мне причитается. Платить будут всем: и зерном, и утварью, и звонкой монетой. И тебе хватит на пропитание».

«И что же я, по-твоему, вот так к кому-то войду в дом и скажу: давай деньги, ты задолжал? Кстати, ты так и не назвался, кто ты есть...».

«Зови меня Люцем. Как видишь, из рогатых я. Не последнее место в табели о рангах занимаю. В эти места издавна пришел. Поэтому без помощников не обойтись».

«Не буду я на тебя работать, – поразмыслив, заявил Вернига. – Не нравишься ты мне. Вот сейчас тебя перекрещу, и ты пропадешь».

В ответ Люц только лишь засмеялся и говорит: «Начинай». Вернига для такого случая пробудился, головой повертел, плечами повел, холодно ведь, а потом взял и перекрестил три раза нечистого, а тот только лишь еще больше смеется. Что, говорит, полегче стало? Задело это Вернигу.

«Ах, ты ж чертово отродье. Я тебя сейчас укатаю», – подумал Вернига, но что он не делал, а Люц только лишь его еще больше побуждал к тому, чтобы казак против него выступал. И дошло до казака, что не стоит на него бросаться.

«Это же я сам себя ослабляю, а ему, хоть бы что. Нет, чертяка, так дело не пойдет. Ты хитер, да и я не лыком шит».

«Что же ты остановился?» – донеслись до Верниги мысли Люца.

«Так тебя же просто так не взять. И чего я буду надрываться?»

«Казак, да ты умен! Ты над предложением моим подумай. Все равно, хочешь или нет, мне помогать будешь. Если по своей воле, то нам обоим сподручнее. Я тебя заботой не оставлю. Сыт будешь, да и кров над головой найдется...».

«А ты что уверенный такой? События и жизнь наперед видишь?»

«Так мне положено. Работа у меня такая, оброк и долги взыскивать. Должников разве-лось, особенно, как война началась. Все готовы за победу и душу, и что угодно отдать».

«Только казаки или ляхи тоже?»

«Так ляхи-то в первую очередь. Вот мне работы хватает на день и ночью. Не справляюсь. Все верчусь, как белка в колесе. Покоя нет...».

«Темнишь и хитришь ты. Насквозь тебя вижу».

«Сроку тебе три дня. Больше ждать не могу».

«Если не соглашусь, что тогда?»

«Лучше точно не будет», – с кривой усмешкой заявил Люц.

«Это мы еще посмотрим, чертяка», – подумал Вернига.

Отпустило его сразу же после того, как мысленный диалог завершился. Вернига дальше спал без «задних ног». Только утром на зорьке проснулся. Солнце только-только вставало. По земле стелился туман. В лесочке, где остановился Вернига, было прохладно, несмотря на лето. Вернига, замотавшийся в кунтуш, слегка пошевелился, хотел, было, продолжить занятие, снилось ему что-то доброе, да не смог. Снова услышал он призыв, обращенный к себе. Вернига даже не захотел присматриваться, кто к нему обращается, повернулся на другой бок, умогнулся удобно и засопел. Да не тут-то было. Поспать ему не дали. И это возмутило казака. Недовольство так и распирало его. Ругаться Вернига не стал, но недовольно мысленно проговорил:

«Кто бы ты ни был, меня не тормоши. Поспать дай. Чего привязался?»

Ответ, который получил Вернига, побудил его прервать дрему и сесть.

«Если хочешь жить, выслушай меня. Иначе жизнь твоя прервется вскоре. Может, тебе ее и не жаль, но я дал тебе возможность видеть то, что скрыто от других. Ты же не принял того, что проявилось в тебе. Как только видеть перестанешь, смерть твои глаза закроет. Умрешь подлой смертью. Такого хочешь?»

«Вот только пугать меня не надо», – сразу же отреагировал Вернига, окончательно пробуждаясь ото сна.

Подлая смерть его точно не прельщала. И решил он выслушать незнакомца. А тот как будто знал, что казак его послушает и продолжал посылать мысли, которые Вернига четко разбирал, по мере их поступления...

«...Ты последний из нашего рода, – всплывало у него в голове. – Я говорю с тобой из прошлого, с того времени, когда рода людского еще не было. Ты глаза закрой и меня увидь. Это несложно для тебя. Внешнему виду моему не удивляйся. Так выглядели люди десятки тысяч лет назад. Наш род был другим, но он выродился. Мы вырастили вас, свое продолжение...».

«А от меня ты что хочешь?» – перебил Вернига мужчину, который посылал ему мысли.

«Слушай, пока контакт не прервался. Я удерживаю связь. У тебя силы нет. Все пропил и отдал. Без нее ты уже не жилец. Вопрос только в сроках. Полгода тебе ходить по свету в лучшем случае осталось, если не одумаешься и не начнешь себя в порядок приводить. В худшем – коршуны склюют твои глаза еще раньше».

Поежился казак от таких слов. Не любил он, когда ему приговор вот так запросто оглашают. А мужчина, который говорил с ним из прошлого, между тем продолжал:

«Я вижу твоими глазами жизнь в будущем. Мои способности ты используешь. Как ты это делаешь, не спрашивай. Когда глаз закроется, смерть наступит. Это ясно осознай. Мне нужно, чтобы ты женщину разыскал и ей помог, а перед этим еще одного друга-казака. Тогда можешь делать все, что захочешь, хоть помереть сразу. Вижу, что жизнь тебе надоела и за нее ты не держишься».

«Что-то я всем нужен. Тут только что на меня Люц выходил...».

«Ты картинку спроецируй на меня».

Вернига, не будь дураком, пожелание незнакомца сразу же исполнил.

«Это кровник твой и мой. Аламом его зовут в наше время. Много пакостей он натворил. Все не уймется. Ты на его условия не соглашайся. Только для виду делай, что хочет, если совсем уж немого будет. Смерти он твоей хочет. Задача у него такая: наши воплощения прекратить».

«Постой, – оживился казак. – Ты, что ли, мое воплощение? Батяка мне рассказывал о воплощениях души...».

«И духа, – сразу же ответил незнакомец. – Что душа без духа? Она лишь одна из составляющих его тел.

«Зовут-то тебя как? Ты бы лицо свое показал, а то все скрываешь его».

«Только не пугайся. Восприми так, как есть».

В следующую секунду казак, присмотревшись, увидел мужчину, который вел с ним мысленную беседу. Его золотистые волосы, спадавшие на плечи, голова и туловище струились в вихрях вишневых и изумрудных энергий. Золото волос гиганта, казалось, окружало его ореолом. Орлиный нос, высокий лоб, обруч на голове, в котором в районе лба блеснул кристалл, свободные одежды, которые только лишь подчеркивали атлетическую фигуру мужчины, – все это в одночасье промелькнуло перед глазами Верниги. Как он был не готов, а слегка вздрогнул, эмоционально восприняв мужчину.

«Оце чоловьяга! – вырвалось у казака. – Сильный ты и большой. Это же я тебе по пояс буду! И как вы там живете – хлеб жуеете?»

«Меня слушай! Времени мало. Долго не смогу держать нить.

«Какую еще нить?»

«Нить связи между прошлым и твоим временем. Говорю тебе, сил мало».

«Слушаю тебя», – телепатировал казак мужчине, который поразил его воображение.

«Сила моя да прибудет в тебе, – еле слышно сказал великан. – Ты тот, кто должен помочь себе и друзьям не погибнуть. Тогда сможет измениться будущее. Выживут достойные. Будешь видеть, хочешь или нет. Без этого не разобраться».

Как бы в подтверждение этих слов указательный палец гиганта направился в сторону казака. Что было дальше, Вернига точно не помнил, но то, что палец гиганта каким-то самым непостижимым образом вошел ему в лоб, после чего как бы помассировал его изнутри, казак ощутил предельно ясно. После этой манипуляции лоб у казака зачесался да так, что Вернига почесал спереди его.

«Придет время, когда ты забудешь, если захочешь, и меня и то, что произошло. Воспоминания тревожить тебя не будут, если выживешь, конечно. Тень, забирающая жизнь, идет по твоим стопам. Не говори с ней, лучше пойдешь на Хортицу к Серезу. Он казак опытный, что делать подскажет, если ты своей головой думать научился».

«Так что я теперь, лучше видеть стану?»

«И слышать тоже. Не верь ни одному слову Алама. Он обманет тебя. Для него ты – жертва. Ты по его замыслу должен помочь одному из его воплощений. В нем копят и проявляются темные энергии».

«Так он сам сказал, что физического тела не имеет, а существует в виде вихря энергий...».

«Ты больше обманщиков слушай. Свою голову надо на плечах иметь, а не, уши развесив, внимать тому, что в них кто-то пытается впихнуть. Кровный враг – есть кровный враг, кем бы он ни был: кумом, братом, сватом или товарищем. Его натура проявится рано или поздно так, что тебя подставит. Это должен запомнить. Иначе погибнешь».

«Чудно ты говоришь».

«Я говорю правду. Это ты чудно меня воспринимаешь. В мире война идет. В ней лучшие погибают, а ты поддался слабости и запил. Силу пока что всю не предоставляю. Ты с ней не справишься. Поэтому вначале от хвоста освободись. Если все правильно сделаешь, побратимов увидишь и им поможешь...».

«Как помогу?»

«Переведешь их тонкие тела туда, где они не так быстро разложатся».

«А я это смогу сделать?»

«Связь прерываю. Сомнение подтачивает тебя. Нет нужной опоры на себя и свои силы. Много можешь, но предпочитаешь этого не делать. Ты живешь, но уже омертвел внутри. Жизнь надо ценить, как шанс, предоставляющийся для важного дела».

«Для какого?»

«Тебе решать. Поговорим еще. Будь сильным, казаче».

После этих слов связь оборвалась, а Вернига окончательно проснулся и протрезвел. В голове восходило солнце. Такого состояния Вернига никогда не переживал. Он потрогал голову, ощупал себя и констатировал: «Вроде все на месте. Я это я, в этом сомнений быть не может». Перед Вернигой стоял главный вопрос: что же ему после всех перипетий, с ним произошедших, делать дальше? И решил Вернига, как и советовал ему мужчина-гигант, податься на Хортицу, да не судилось ему сразу туда попасть.

На посылках

Вернига быстро собрался, все по сторонам оглядывался, как будто его кто-то невидимый обычным взором подгонял. Не то, чтобы страшно было казаку. Начал понимать он, что попал в переделку, в которой еще не бывал. И здесь, как в бою, саблей не помашешь и врага из ружья или пистоля не достанешь. Тут думать надо. А думать Вернига не наученный был. Когда батька говорил, что «тямыты» нужно, Омелян Вернига только лишь хмурился, да затылок чесал, морщился иногда, на небо поглядывая. Нельзя сказать, что казак уж совсем не думал, и все ему невдомек было, но особых усилий, чтобы думать, Вернига не прилагал, ошибочно считая, что казак, да еще и с саблей, решит сам по себе все проблемы. Да только не вышло так, как хотелось...

Больно ударило по Верниге, да и не только по нему, поражение казаков под Берестечком. Смерть побратимов на самом деле была только лишь одной из вех. Когда после событий Вернига вернулся на Сечь, то почувствовал, что и там настают другие времена. Многое менялось и не в лучшую сторону. В этом Вернига отдавал себе отчет. Что точно происходило, он не знал, да и не хотел разбираться. Слишком заведен был и накручен. Не хотел ничего знать. В сердцах был недоволен Богданом, который в самый решительный момент куда-то исчез. О пленении его татарами узнал позже, когда от раны оправился, да только погибших не вернешь, а сколько их полегло, не считали. Тысячи сложили голову.

Вот тут-то каким-то непостижимым образом учуял Вернига, что дело казацкое подломилось, что лучшее, что было в казацкой среде, стало постепенно по ветру развеиваться. Это тоже побудило Вернигу отчаяться, а потом искать успокоения на дне кружки. Хуже всего, что стал Вернига замечать за многими из казацкой старшины, что не привержены они казацкому делу, что хотят, как паны, руководить голотой. Больно тогда эта несправедливость задела Вернигу.

Расслоение в казацкой среде все четче обозначалось. Это были даже не времена Семерия Наливайко, когда реестровики почубились с голотой. Тут дело глубже лежало. Многое поменялось, а еще больше должно было измениться в худшую сторону. Что будет, Вернига точно не знал, но твердо знал: лучше точно не будет. Предчувствовал Вернига наступление руины, видя ее в головах казаков, а также в их противниках. Видел, но не знал, что делать...

Горилка, она, конечно, на время помогает забыться, но возвращение из страны угара бывает очень тяжелым. Это Омелян на себе проверил. Решил он завязывать с опасной страстью после беседы с гигантом. Подумал и решил на Хортицу вернуться, чтобы с Серезом встретиться, даже мысленно с ним поговорил, уже знал, что скажет при встрече.

К вечеру добрался Омелян до деревеньки, которая возникла на правом берегу ниже Чигирина. Домов сорок притаились в зелени садочков на холме, а внизу шумел, катя волны, Днепр-Славута. Тут у одного из жителей Омелян и остановился переночевать. Он давно уже не пил, но по виду жители сразу определили, кто к ним пришел. Сабля да два пистоля четко выдавали в госте казака, но печать горилки в виде едва заметного опускания все-таки явно значилась на его лице. И уйти от этого пока что для Омеляна Верниги не представлялось возможным.

Ночевал Вернига в сарае. Там ему и приснился сон, в котором тень в виде темного мужчины приближалась к нему все ближе, окутывая саваном темных энергий. Вернига вначале говорил с тенью. А потом выхватил саблю и порубил ее и сеть, которую тень на него набрасывала, да только все без толку. Сабля не брала вязкие и темные энергии, окутывавшие казака. Разрезы, нанесенные саблей, затягивались, а к казаку тянулись руки тьмы, раздавался чей-то смех, как будто кто-то забавлялся с Вернигой. И этому кому-то очень нравилась неспособность Верниги что-то сделать и как-то за себя постоять. Проснулся Вернига в холодном поту. Видение исчезло, но чувствовал себя казак разбитым.

«Да, так дело не пойдет, – подумалось Омеляну. – Если так и будет продолжаться, всю силу точно потеряю. Надо что-то менять, но что?»

Ответа на этот вопрос у Верниги тогда не было. Как-то сам незаметно для себя казак снова заснул, погрузившись в тяжелую и тягучую дрему. В этом состоянии на него снова вышел Люц. Мысленно через сон приказал: «Будешь делать то, что я скажу. На Хортицу не пойдешь. С утра в Чигирин, а потом в Черкассы и в Киев отправишься. Там тебе дело надо будет одно, а может, и два сделать. Справишься, так и быть, навестишь родные края. Не справишься, так никуда больше и не пойдешь...».

Вернига поумнел, да так, что Люцу решил не прекословить. Решил он до поры до времени не проявлять крутой нрав и свое несогласие. Утром, проснувшись, казак, перекусив, чем богаты были хозяева, приютившие его, отправился в путь, да не вниз по Славуте, а вверх. До Чигирина Вернига добрался через три дня. Шел бы дольше, но, о чудо, то ли Люц, то ли кто-то еще «подогнал» коня. Вернига, поймав коня, который мирно себе пасся, перед тем, как вскочить на него и двинуться в путь, даже поразмыслил: «Все в руки само дается. Не пойму, почему так происходит. То ли рогатые так сильны, что делают все, что захотят, то ли еще какой-то помысел в отношении меня есть».

В бога Вернига давно не верил, еще с того момента, как, понадеявшись на некую высшую силу, забыл сделать то, что нужно для удачной вылазки. Тогда его ранили, а лучшего друга, Васька Зарекшу, убили. Винил себя за это Вернига, даже батьке пожаловался: так, мол, и так, «верха» не помогают. Батька же, выслушав казака, несколько раз разгладил усы, прежде чем слово молвить. С какой-то необычайной ясностью смотрел он на Вернигу, а потом из уст повидавшего виды казака слетели следующие слова:

– Ты, казаче, где живешь, на небе или на земле? Если на земле, то у тебя есть сабля, пистолы и ружье, а, главное, голова. Она у тебя для того, чтобы смекать и тямать, а не для того, чтобы лбом стенки пробивать или поклоны бить. Ты кто? Ты воин. Запомни: не позаботишься о себе, о тебе никто не позаботится.

Вернига тогда что-то пробовал сказать в свою защиту, но Семен его сразу же на место поставил, выслушав неубедительные доводы казака, а под конец беседы сообщил «по секрету»:

– Если хочешь стать характерником и прожить жизнь долгую, надейся только лишь на себя. Друзья, если смогут, то помогут. Учись воином быть всегда, особенно в мирной жизни, чтобы ты мог за себя постоять без сабли и без пистолей. И ты тут мне молнии из-под бровей не мечи, как норовистый конь ноздри не раздувай и не кривись, как будто что-то кислое съел, да все никак не придешь в чувство. Доживешь до моих лет, поймешь: в двух третьих случаев смерть наступает по твоей вине от того, что ты не готов, чего-то не учел, где-то не досмотрел или вовремя не сообразил...

Вернига тогда многое услышал от батьки, да только одно дело слушать и слышать, а другое – делать то, что говорят. Этому надобно учиться. Вернига батьку слушал, да не понимал, что он говорит. То ли Семен просто излагал, то ли Вернига в глубине своего естества считал, что ему нравоучения и советы батьки не нужны. Как бы то ни было, а начал с какой-то особенно ясностью вспоминать то, что ему было сказано Семеном Куличуком, Вернига только после того, как с ним поговорил гигант, а еще больше после появления в его жизни Люца-Алама. Про себя Вернига сказал, что эту рожу еще отделает, да так, что чертяка позабудет к нему дорогу. Вот только это были пока что беспочвенные угрозы и намерения.

Батька Верниге давно уже не снился, но, когда Омелян его вспоминал, охватывало казака необычное чувство. Стыдно ему было в глаза батьке смотреть: не слушал он его советов, сошел с пути, характерником не стал. «Подвел я батьку, – все чаще думал про себя Вернига, – а он надеялся на меня». Что с батькой стало, точно никто не знал, но за месяц перед тем, как Богдан на Сечь пришел, исчез Семен Куличук, как будто его никогда на Сечи и не было. Искали его, да не нашли, а вскоре весть пришла, так, мол, и так, погиб батька, на татарский

отряд набрел, когда травы собирал. Татары не пощадили. В эти рассказы досужие Вернига не верил, знал батьку, как умного, тямущего, смекалистого казака, который просто так подставляться под татарские сабли не будет. Да только годы шли, а батька все не объявлялся. Тогда его погибшим точно сочли.

Омельян, хотел того или нет, также вынужден был признать сложившееся положение дел. Его тогда закрутил вихрь войны. Омельян Вернига был сотником, выполнял с побратимами самые рискованные поручения и задания, о которых, потомки, не рассказывали даже в наше время. Прошел Вернига вместе с Богданом от Сечи до Берестечка без отдыха и на одном дыхании, да только война рано или поздно дает о себе знать. Не беспредельны людские силы, особенно, если их умело подтачивают, а те, кто поддаются на уловки, только все больше ранят себя. К чему это я говорю? К тому, что легко, споткнувшись, упасть, а вот встать и подняться, когда ты лежишь, гораздо сложнее, чем не упасть...

Что же Верниги касемо, то казак без приключений до места добрался. Денег у него не было, а как-то переночевать надо было, да еще и с конем. Можно было коня продать, но Вернига, глядя на красавца-коня, не решился совершить такое святотатство. Животное, пока казак на нем до места добирался, начало чують в нем хозяина, да у этого хозяина ничего не было для того, чтобы накормить верного друга. И тут казак решился на «подвиг». Коня на время у знакомых оставил, а сам пошел по городу пройтись, посмотреть, как люди живут, где и на чем заработать можно.

Война-то продолжалась. Конца и края ей не было видно. Только с некоторого времени Вернигу война не прельщала. Вдоволь пороху нанюхавшись, казак решил, что пока он важное дело не сделает, товарищам не поможет, не воевать. Знакомых у Омельяна много было, да друзей не было. Все полегли. Побродил казак по Чигирину, да на окраину вышел, сел и задумался, что дальше делать. Вокруг никого не было видно. Вернига зевнул, а потом вздохнул. Дело не ладилось. Уже хотел, было, встать, да обратно пойти, как вдруг, присмотревшись, увидел впереди себя в шагах двадцати как сгущается темная энергия. Казак, глядя на это, прищурился.

«Везет мне, подумалось ему. – Никак Люц снова о себе напоминает».

И в выводах казак не ошибся. Едва заметный темный вихрь перед ним сгустился, и перед казаком вдруг возникла фигура. Мужчина, стоящий перед Вернигой, был в костюме богатого шляхтича, выставял вперед грудь, победно слегка поглаживал усы, с высоты взирая на казака. Казак молчал, а мужчина, стоящий перед ним, не спешил заводить беседу.

«Вот нечистый привязался, – подумал Омельян. – Видать, я ему сильно нужен, раз является. Смотри, как вырядился, шапку богатую надел, хоть сейчас тепло, не зима. Впечатление, что ли, на меня произвести хочет? Так ведь рога спрятать все равно не получится...».

«Что это ты меня в мыслях рогатым называешь, даже обидно», – начал беседу Люц.

«Так что же ты рога выставил и красуешься?»

«Рога-рожки – это не главный мой атрибут. Они всего лишь связь осуществляют с главным, с тем, который на небесах сидит», – при этом Люц подъемом головы указал на небо.

«А я-то всегда думал, что на небе бог главный», – решил поддержать мысленный диалог Вернига.

Беседует Вернига с Люцем, а сам думает, как бы это ему отцепиться от нечистой силы, да так, чтобы эта рожа его больше не донимала, а Люц, видимо, решил казака просветить, да и говорит:

«Ты меня только в одном обличье видишь. У меня ликом много. Кем хочешь, могу прикинуться. Что же касается бога, то тебе какой из них больше нравится?»

Казак от такого слегка оторопел.

«Что, и богом можешь прикинуться?»

«Любым и на раз».

«А ксендзом можешь?»

В следующую секунду лик Люца изменился. Вместо победно стоящего шляхтича, держащего одной рукой за эфес сабли и время от времени проводящего рукой по усам, появился ксендз, да не обычный, а высокое положение в церковной иерархии занимающий. А как только появился, сразу же казаку начал проповедь читать о послушании, пока Вернига его не остановил.

«Я смотрю, ты везде успел».

«Так и небо, и земля давно поделены, казаче. Вот только вы, казаки, тут по свету мыкаетесь, да все не хотите покоряться, все свободы какой-то хотите. Глупо это. Что смотришь на меня? Хочешь убить? Давай, заведись, будь злее!»

«Нет, – подумал казак, – я тебе такой радости, как с саблей на тебя кидаться, не доставлю. Хватит, ты меня больше на этом не проведешь».

«Что ты молчишь? Саблю из ножен не достаешь? Я тут, рядом с тобой. Убей меня, прояви свою злость и тебе станет легче».

«Чертяку не слушай, – донеслась в это же время до казака посланная кем-то мысль. – Обманет и тебя еще больше запряжет в свое ярмо».

«Может, проговорить что-то?» – пронеслось в голове у Верниги.

А Люц, видимо, мысли казацкие слышал, и давай Вернигу подзадоривать:

«Казак-молодец, ты перекрести меня. Я уйду сразу же. Знамения испугаюсь».

Вернига на побуждения Люца попался, как он говорил, так и сделал, а Люц, как увидел напрасные казацкие старания, так только давай хохотать. Теперь перед казачком стоял уже не ксендз, а корчмарь с брюшком. Он зло и, одновременно, хитро и озорно щурился, а в руках у него была полная кружка горилки. Люц, глядя на казака, хлебнул горилки, а потом, залихватски подмигнув Верниге, влил в себя горилку, крякнул, вытер усы и воззрился на казака. В это же время кружка в руках корчмаря вдруг оказалось вновь полной заветной влаги, но пить снова корчмарь не стал. Хитро усмехаясь, он начал выливать влагу из кружки. Горилка стекала на землю тоненькой струйкой, а из нее вначале маленькая, а потом все больше, рождалась змея зеленовато-темного цвета.

Эта змея каким-то непостижимым образом обвила одну из ног корчмаря, а потом исчезла, как будто ее и не бывало. Вернига смотрит, а на него глядит корчмарь. Вспомнил он сразу же заветы батеньки, который не раз и не два говорил, что в глаза нечистой силе смотреть не надо. Казак так и сделал, а Люц в это время и говорит:

«Корчмаря видел?»

«Я его лицо вовек не забуду», – мысленно пообещал казак.

«Его тебе найти надо. Как найдешь, я скажу, что сделать».

«И все?»

«Нет, это только начало. Потом шляхтича найдешь. Он против казаков воюет. Придется тебе дальше на запад идти, но это все потом, как с прежним заданием справишься».

«Я с нашими врагами не буду дружить», – вырвалось у казака.

«Так и быть, – неожиданно согласился Люц. – Корчмаря найди, скажи, что от меня пришел. Он скажет, что делать».

«Корчмарь, выходит, твой друг?»

«Тебе какое дело? Делай, что говорят».

«Не буду я тебя слушать. Сам знаю, что делать».

«Как хочешь, – отреагировал Люц, – только долго жить после этого не будешь. Погибнешь быстро, а перед тем, как погибнуть, все, что было в тебе казацкого, исчезнет».

«Я твоих угроз не боюсь. Что касается смерти, так я не раз и не два ей в глаза смотрел, даже призывал, чтобы она меня взяла, а она все не шла».

«Так это я ей и сказал, чтобы пока на зов не являлась. Ты, казаче, мне нравишься, смелый ты и решительный, а еще, мне нужен. Поэтому-то и живешь».

«Говорить можешь, что хочешь, да только я тебе не подчиняюсь».

«А вот это – неправда. Мы же с тобой договор заключили. И ты сам согласился на то, чтобы я к тебе являлся, а ты выполнял все то, что в договоре прописано...».

«Что-то я не помню, чтобы так было. Дуришь ты меня. Ой, дуришь!»

Только Люц не шутил. В следующее мгновение перед казаком в воздухе появилась рукопись, на которой казак расписался, да еще и кровью в том, что он согласен на все условия, да только Вернига Люцу не поверил.

«Ты мне можешь все, что угодно, показать, да только все равно я тебе не верю. Не подписывал ничего».

«Как же не подписывал? – притворно изумился Люц. – Ты же горилку пил?»

«Пил, а кто ее не пробовал?»

«Вот, кто не пробовал, тот со мной договора и не заключал, а ты, казаче, все дно быстрее хотел увидеть. Шинкарь, – тот свое имеет, как и я, с каждой кружки. Только ему ты платишь серебром и золотом, а мне – более ценной монетой».

«Это какой же?» – удивился казак.

«А ты не догадываешься? Харой и жизненной силой. Я охотно с каждой кружки такую плату принимаю. Людей много, пьют почти что все, а мне навар...».

«И когда же ты успел под себя этот промысел взять? Раньше вроде тебя в этих краях не было. Заезжий ты, как я вижу».

«Да, я гость из Европы. Впрочем, нас пока что тут мало. Конкуренции почти нет. Люди только в здешних местах непослушные. Там давным-давно со всем смирились, да все поняли, а тут – одни смутьяны. Хоть тебя взять. Ни кола, ни двора, ни сына, ни жены, только пистолы да сабля. Что за житье такое бесшабашное?»

«Зато вольное. Нет надо мной хозяина, – мысленно произнес казак и прикусил себе язык, подумав: – Как же это нет, если некоторые тут на эту роль претендуют».

Только эту мысль казак Люцу не направил. Черты же спорить не стал, только сказал:

«Все равно на ваши буйные головы вскоре управа найдется. Мы вас под себя возьмем. Откуда я прибыл там, знаешь ли, уже давно под нами все ходят, а тут непорядок – свобода, зато есть такие жирные барашки, на которых можно ездить и ездить. Ты, казаче, тому пример».

Хотел казак ответить резко, да сдержался.

«Чего не спрашиваешь, где корчмаря искать?» – донеслась до Верниги мысль Люца.

«И где?» – хмурясь, мысленно спросил казак.

«На запад тебе идти придется. Вначале в Черкассы заглянешь к одному приятелю моему. Там увидишь, кто он. Я подскажу, а потом на Белую Церковь свернешь, а там и до Бердичева рукой подать...».

После этого голос Люца больше Вернигу не беспокоил. Казак же, поразмыслив, решил для виду последовать совету Люца и направиться в Черкассы, а там уже посмотреть, что дальше делать. В Чигирине он знакомых казаков встретил, но стыдно ему стало. Не стал с ними говорить. Он вроде бы как и не воюет, делом казацким не занимается, опускаться стал, а был лихим казаком-молодцом еще несколько лет назад. Обидно Верниге за себя стало.

«Что же это я, – подумалось ему. – Не могу себе ладу дать? Неправильно это. Надо за себя взяться, да за казацкий чуб себя вытянуть оттуда, куда попал».

Размышляя таким образом, казак повеселел. Чигирин покинул, до Черкасс без происшествий добрался. Голоса казака больше не донимали. Вот только после того, как гигант ему по лбу пальцем поводил, стал Вернига видеть многое из того, чего раньше не то, что не видел, внимания не обращал. Начал он видеть энергетические оболочки деревьев и травы, сущности самые разные, обычным взором не видимые. Мог под землей видеть, что творится. Не всегда, правда, но получалось. Слышать также казак стал мысли еще лучше, чем раньше.

«Тут главное, чтобы голова кругом не пошла, – думалось Верниге. – И так косо на меня смотрят. Если где-то сорвусь, совсем ненормальным считать будут. Еще забьют от страха до смерти. Сноровку-то я растерял».

И решил Вернига, пока путешествовал в одиночестве, бывшие навыки вспомнить, которым научился под руководством батьки. Присел пару раз, движения руками, а потом ногами сделал, какие знал, и остановился, даже приуныл, осознав: былой силы нет, а навыки забылись. На ногах он стоит некрепко. Раньше сотню раз присесть мог, а в ногах усталости не было. При надобности еще столько же или больше можно было сделать, а сейчас все скрипит. Было о чем тут поразмыслить. Предался казак размышлениям и вдруг слышит голос, обращенный к нему:

«Что, казаче, не радуют тебя умения?»

Вернига прищурился, слегка глаза прикрыл и видит, что из прошлого к нему волхв Мирша обращается.

«Чего это ты обо мне озаботился?» – вырвалось у Верниги.

«Путь тебе предстоит неблизкий, вот и решил скрасить твое одиночество», – пояснил волхв.

«Лучше бы сказал, что мне с Люцем делать? Наглеет рогатый. Откуда только взялся на мою голову. Говорит, что все у них поделено с ксендзами и прочими служителями».

«Так ты же уже согласился делать то, что он от тебя хочет. Меня, зачем спрашиваешь?»

«Я бы достал рогатого, да не знаю, как это сделать, – признался Вернига. – Он от меня не отстанет. Нужен я ему...».

«Ты, главное, резких движений избегай. Нрав свой крутой пока что в кулаке держи. Придет время, его проявишь, но по делу...».

«Ты так видишь?»

«Дальнейшая жизнь и ее продолжение от тебя зависят. Есть над тобой темное предопределение. Орел, расправив крылья, над головой нависает, но это преодолимо, если знать, что делать...».

«Загадками все говоришь. Ты мне конкретнее скажи, что делать?»

«Себя слушать, быть внимательным и готовиться к встрече со смертью и темным предопределением. Ты же с Люцем связался. Он твоей смерти хочет. Кровник он твой, часть темной энергии, которая после смерти одного из магов не ушла, не рассеялась, а, наоборот, усилилась. Ему нужны энергии и сила, тогда Люц может творить все, что захочет. Он ведь что делает? Со всеми преимущественно во сне договаривается, обманывает их, ложные договора составляет. При этом те, кто подписываются кровью, даже и не знают, на что подписались и что с ними произошло. Главное, что после этого договора и соглашения работают, Люцу достаются лучшие энергии, а он сбрасывает на людей отходы и дерьмо, которое воняет».

«Так он что, и со мной так поступил, подкараулил во сне и договорился?»

«Это мне неизвестно, но знаю, что у тебя и у меня с этим магом счеты давние, переходят они из воплощения в воплощение, а ситуация все усугубляется. Да, и еще. Ты не думай, что что-то пошепчешь, проговоришь или это кто-то за тебя сделает и все с тебя снимется. Тут головой надо думать, а не молитвы читать. Все равно не поможет, а только лишь усугубит дело...».

«Это еще почему?»

«Потому что нельзя, пробормотав что-то, не прилагая сознательных усилий и надеясь на что-то или на кого-то неизвестного тебе, решить проблемы, накапливающиеся в сотнях воплощений. Положение-то наше в них ухудшалось...».

«А с чего это ты со мной правдой решил поделиться?» – засомневался Вернига.

«Многое сделать не успел. Теперь твой черед. Я свое слово уже сказал. Могу помочь лишь советом».

«Веселые дела», – подумалось Верниге.

«Нет, казаче, пока что у тебя дела не очень-то и веселые, раз ты чужую волю исполняешь, да кровникам и магам служишь», – прозвучало в голове казака.

А возразить-то Верниге и нечего было. Правда, он свой нрав попробовал проявить, мысленно заявив:

«Я вот сейчас возьму и откажусь. Не пойду туда, куда Люц направляет».

«И что дальше будет, ты подумал? Если плана у тебя нет, то поразмысли. Ты ведь казак тямущий...».

Призадумался Вернига. Что дальше делать, он не знал. Интересно ему стало, отчего это Люцу его помощь так нужна. Вернига возьми и обратись по этому поводу к Мирше.

«Как думаешь, на кой я нужен корчмарю? Почему Люц так настаивает, чтобы я к нему пришел? Может, спойть хочет?»

«Или сделать так, чтобы ты еще более покорился его воле. Ты же дно кружки привык видеть, вот Люц в этом направлении и работает. Чем больше пьешь, тем больше от Люца в зависимость попадаешь. Очень просто и действенно. Ты сам на себя управу находишь, делаешь это незаметно и постепенно. Вскоре придет время, когда ты сам справишься с тягой к горилке не сможешь, тогда полностью попадешь под Люца и тех, кому он помогает. Суть ведь у них точно такая же».

«У всех, что ли, даже у ксендзов?» – не поверил Вернига.

«А чем они лучше или хуже других людей?»

И ответить на этот вопрос Мирши Вернига не смог.

«Получается, все под Люцем и рогатыми?»

«Но ты же еще живой, дышишь, временами неплохо себя чувствуешь. Ты можешь все, даже то, о чем сейчас не догадываешься...».

«Так с чего мне начать?»

«С себя, казаче, с себя».

Вернига еще хотел что-то спросить, но Мирша на связь не выходил и мысленно ему больше ничего не отвечал. Задумался казак. Что-то подсказывало ему, что вскоре в его жизни произойдут серьезные перемены, вот только не знал казак, хуже ему будет или лучше. Только сейчас начал понимать Вернига, что саблей не очень-то и раду себе дашь. Ко всему прочему надо еще головой думать. Вспомнились тут казаку слова батки. Говорил Семен, глядя на учеников, которые с охотой ему внимали, сидя у костра или тренируясь: «Вы, казацкую науку на ус наматывайте, да не забывайте, что для того, чтобы ее применить, надобно размышлять. Будете по старинке все делать – результатов не достигнете, свободными людьми, тем паче хозяевами на своей земле, не будете. А это, хлопцы, самое главное».

Вот и начал припоминать Вернига, чему его батка учил. Припекло его так, что то, что раньше не очень-то и помнил, тем более не использовал, сразу перед ним предстало. Вспомнил Вернига казацкую науку, в особенности слова Семена, который говорил: «Чтобы пойти на юг, надо иной раз на север податься. Не всегда самый короткий путь раньше всего приводит к цели».

Поразмыслил Омелян, затылок почесал, глаз правый слегка прищурил, усы поправил и решил: «Пойду-ка я в Черкасы, а там на месте посмотрю, что к чему. Может, что там и решу. Люц хитер, да и я не промах».

Как решил казак, так и сделал. До Черкасс добрался, друзей там встретил, поговорил с ними, день пробыл, переночевал, уже собрался на следующий день в Белую Церковь идти, да не вышло. Во сне, как раз за час до рассвета, привиделся ему Люц. Кровник стоял одетый в роскошный костюм. Ни дать, ни взять – именитый шляхтич, все при нем. Глядит свысока и важно, щурится, как будто людей вокруг себя не видит, а сам на казака косится. Омелян на него смотрит, но первым не заговаривает. Люц тоже молчит, не торопится беседу начинать. Вернига тогда не утерпел и спрашивает:

- Ты чего пришел? Уже и во сне отдохнуть спокойно не даешь. Чего тебе надобно?
- Ты пока из Черкасс не уходи, задержись на денек, второй...
- Тебе зачем?
- Нужно одного человечка встретить, переговорить по душам...
- И где я его встречу? Куда идти?
- И чего ты такой торопливый? Он сам тебя найдет. Ты только в корчму зайди, что подальше стоит. Ее всякий знает...
- Так бы сразу и сказал. И кого там спросить?
- Юхима Бжеського.

Сказал чертяка эти слова и исчез, как будто его и не бывало. Решил казак послушаться Люца. День кое-как перебился, а ближе к вечеру в корчму подался. Народа, как всегда, было немало. Шум и гам стоял. Присоседился казак за столиком и думает: «Горилку заказывать или нет?» Денег нет, а промочить горло хочется. Вот только решил казак себя проверить, сможет он удержаться или нет. А как же то удержаться, когда все кругом наливают и пьют, а ты смотришь молчаливо и только лишь слюну глотаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.